

Анастасия
РУМЯНЦЕВА

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р86

Оформление серии *А. Дурасова*
Редактор серии *Ю. Милоградова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Румянцева, Анастасия Сергеевна.

Р86 Секреты Лилии : [роман] / Анастасия Румянцева. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-105249-2

1951 год. Юная Лилия заключает сделку с ведьмой, чтобы спасти мать, и обрекает себя на проклятье. Теперь она не имеет права на любовь. Проходят годы, и жизнь сталкивает девушку с Натаном. Она влюбляется в странного замкнутого парня, у которого тоже немало тайн. Лилия понимает, что их любовь невозможна, но решает пойти наперекор судьбе, однако проклятье никуда не делось...

Шестьдесят лет спустя Руслана получает в наследство дом от двоюродного деда Натана, которого она никогда не видела. Ее начинают преследовать странные голоса и видения, а по ночам дом нашептывает свою трагическую историю, которую Руслана бессознательно набирает на старой печатной машинке. Приподняв покров многолетнего молчания, она вытягивает на свет страшные фамильные тайны и раскрывает не только чужие, но и свои секреты...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Румянцева А., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-105249-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Леди любят со вкусом,
а страдают изысканно...*

Пролог. УТОНУВШАЯ В КРОВАВОМ БАРХАТЕ

Русамия. Велидар. 1951 год

•
Лилия прижималась к стене кирпичного дома и жмурилась, будто темнота — единственное спасение от страха. Мысленно считала до трех.

• И каждый раз обещала, что откроет глаза.

Ветер швырнул в лицо облако пыли, и она порывисто отвернулась. Из ослабевших пальцев вырвался скомканный лист бумаги, на котором изломанными буквами был выведен адрес. Глаза распахнулись.

— Нет!

Лили побежала за ним, не разбирая дороги, не замечая луж. Рваные тени падали под ноги, улицы путались, сужались, расширялись, кружили вокруг нее, как коршуны. А ветер отказывался возвращать заветный листок. Вскоре он превратился в едва различимую точку.

Она всхлипнула. Утерла кулаком глаза, плотнее запахнула плащ, однако стылый холод успел просочиться сквозь кожу. Лили сложила руки домиком и подышала на ладони. Дыхание обжигало, но не грело. Невозможно согреться, если тебя колотит от ужаса.

Темный, неприглядный двор, в котором Лилия оказалась, спрятался между старыми многоэтажными домами. Они зияли черными дырами вместо окон, их двери обреченно болтались на петлях. Здесь царила атмосфера смерти и безысходности. Среди лысых деревьев, шатающихся от ветра, разнеслось дребезжащее карканье. Вороны угольного цвета смотрели на Лили мертвыми глазами.

Она забыла, куда шла, пока не заметила покосившуюся табличку с названием улицы. Пыталась прочесть вслух, чтобы поверить — это не сон, но язык еле ворочался. Лили посмотрела на номер дома. Нервный вздох смешался с воздухом.

Сомнений не осталось. Это *то* место. *То* здание.

Она безвольно передвигала ноги. Ближе и ближе к двери. И лишь мучительная сила воли заставляла ее идти. Вперед. Внутрь серой темноты.

Лилия вошла в развороченный подъезд и увязла в смраде. Нашупала ступеньки, но ноги подкашивались. Пальцами коснулась стен, которые крошились от старости. Несмотря на известковую пыль, Лили прижималась к ним, стараясь держаться подальше от острых металлических прутьев, торчавших вместо перил.

Каждый шаг отражался в животе резкой болью. Чудом она поднялась на первый этаж и замерла перед исцарапанной дверью. В ушах зазвенел голос пожилой незнакомки, которая дала ей адрес.

Первая дверь. Ты узнаешь ее по отметинам, словно от когтей дикого зверя.

Голова кружилась от потока мыслей. Ноги и руки заledenели от страха.

Тусклый голос толкнул дверь изнутри, и она со стоном отворилась:

— Входи, девочка.

Лилия попятилась. Грудная клетка сжалась, чуть не раздавив сердце.

Еще не поздно. Можно уйти...

Но образ исхудавшей матери горел в глазах Лили.

Впереди протянулся длинный коридор. Порванные обои клоками свисали вниз, а в дальней комнате горел ядовитый свет.

— Смелее, маленькая Лилия. Неразумно отступать в самом конце.

Голос извивался вокруг нее ужом.

Она шагнула вперед, понимая, что тело ее не слушается. За спиной громыхнула дверь. Лили вздрогнула. Подтянула к шее плечи, стараясь уменьшиться. Почти месяц она собиралась с духом, чтобы прийти сюда. А теперь каждый скупой шагок высасывал остатки мужества.

— Крошечный, трусливый зверек. Боишься, но идешь.

Смех напоминал карканье мертвых воронов. Таким же дребезжанием отзывался в груди.

Коридор оборвался, и Лили очутилась в комнате, которая утопала в кровавом бархате. Бархатные подушки на диване, бархатные шторы на заколоченном окне. На стенах висели картины — на них увядали бархатные розы. Везде бархат, темный, как кровь.

За круглым столом, накрытым шелковой тканью алого цвета, сидела женщина и тасовала карты Таро. Ее кошачьи глаза мутного зеленого цвета прожигали Лили насквозь. Седые виски стрелами прорезали черные волосы, забранные в конский хвост. На бледных руках черными буграми выступали вены, а изношенное платье открывало острые ключицы.

В хрустальной люстре под потолком дрожали восковые свечи. При появлении Лили они вспыхнули и окрасились в обжигающий синий цвет. Тягучая, пьяная мелодия на граммофоне прерывалась треском пластинки. Лили затопило густым запахом металла. Дыханием крови...

Ведьма взмахнула рукой, и на столе возникла белая свеча, напоминающая змею. Лили отскочила и стукнулась затылком о дверь.

Когда? Когда ее закрыли?!

Все чувства, которые она до сих пор сдерживала, хлынули потоком, и она начала дергать ручку двери, но та лишь натужно скрипела и не поддавалась. В отчаянии Лили хлопнула ладонью по стене и замерла. Боясь повернуться.

Лучше закрыть глаза и не видеть. И мама снова будет здорова, и Лилии не придется идти на окраину города в поисках... чуда.

— Садись, цветок. Ты ведь не думаешь уйти?

Лили всхлипнула. Голос ведьмы до боли напоминал мамин. Нежный, спокойный, родной. Как хотелось поверить в живую сказку.

Она повернулась, и прозрачный взгляд женщины на мгновение лишил ее воли. Лилия не заметила, как уже сидела перед ней и комкала юбку дрожащими пальцами.

— Твоя мать смертельно больна. И ты хочешь спасти ее. Как благородно!

Лилия молчала. В горле пересохло, слезы щипали веки.

— Сколько тебе лет? — Женщина оперлась на столик, свеча пошатнулась.

— Четырнадцать.

Губы ведьмы сначала дрогнули в улыбке, но тут же скривились, и она зашипела:

— Ты считаешь, мне нужны деньги?!

Лили вжалась в спинку кресла. Она ничего не говорила. Лишь подумала. Пальцы вцепились в край стола.

— Нет... я... — Она забыла, что хотела сказать. Уставилась на рассыпавшиеся по столу карты. Пиковые дамы.

Ведьма заметила взгляд Лили и обнажила острые зубы в усмешке:

— Дар — тяжелая ноша, моя дорогая, не так ли?

— О чем вы?

— О твоём даре. О юный цветок, ты не знала... — Женщина захохотала.

Граммфон затрещал и остановился. Вязкая тишина опустилась на Лили.

— У тебя удивительная сила. Способность замечать невидимое. Знаки. Приметы. Умершие души. Сердца людей, — пояснила ведьма. — Природа говорит с тобой, но нужно открыть глаза, чтобы увидеть.

От этих слов в ушах разросся звон. Какой дар, какая природа?! Лицо горело, запах трав усилился, и спазм скрутил пустой желудок. Лилия согнулась. Умоляюще посмотрела на ведьму, по лицу хлынули слезы.

— Прошу вас, пожалуйста. Мама умирает, врачи опустили руки. Папа никого не подпускает к ней. Мне больше не к кому пойти!

Ведьма смотрела на Лили, словно разглядывала ее сердце, изучала. Взвешивала «за» и «против».

— Ты хочешь обмануть смерть, — наконец ответила женщина. — Но плата за ложь слишком высока. Готова ли ты заплатить ее в обмен на жизнь матери?

— Да! Что угодно, только скажите!

— Ты будешь проклята, цветок, — ведьма растянула тонкие губы в противной улыбке, — и это проклятье можно снять, лишь вернув украденную жизнь. Смерть не терпит обмана. Она жестоко мстит.

Холод пробрал Лили. Шею сковало от страха, язык не слушался. Она с трудом кивнула.

Ведьма вскочила, опрокинув стул. Взметнула рукой, и свеча загорелась диким пламенем.

— Тогда слушай, дитя...

Когда Лили выбежала из страшного дома, на улице снова лил дождь. Он сбил ее с ног, и она рухнула на землю. Очередной спазм вывернул ее наизнанку. Дрожь, холод, вода... Она потерялась в мире, который вдруг изменился. Стал чужим. Но главное, что билось в висках пойманной мыслью, это изменилась Лили. И уже никогда ей не стать прежней.

Глава 1. РОКОВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Россия. Москва. 2016 год

•

Кристина Валерьевна вошла в темный зал, наполненный душным воздухом. Каждый шаг сопровождался мерным стуком черной лакированной трости. В окно барабанил ливень, словно пел панихиду, и крупными слезами бежал по стеклу. Хотелось распахнуть форточку. Впустить запах озона и монотонное жужжание города. Но в углу комнаты под шерстяной шалью прятался человек. И этот человек больше всего на свете боялся дождя.

— Руслана?

Комок шерсти зашевелился, и Кристина Валерьевна увидела знакомые глаза, нечеловеческие волосы.

— Я включу свет, — предупредила она внучку и щелкнула выключателем.

Та поморщилась и уткнулась лицом в колени.

— Мне было хорошо в темноте, — раздалось бормотание.

— А мне было хорошо, когда здесь была гостиная, а не свинарник, — хмыкнула Кристина Валерьевна и провела ладонью по салатovým обоям. Боялась, что они липкие от грязи, как и кофейный столик, заваленный пустыми контейнерами из-под китайской лапши.

Она зашторила зеленые занавески и включила телевизор в углу комнаты. На весь экран загорелись кадры из фильма «Дневник Бриджит Джонс». Звуки перебили шум дождя, и Руслана оживилась.

— Бриджит Джонс — как вовремя. По крайней мере, не слышно дождя. — Девушка перебралась на диван и подобрала под себя ноги. Голос звучал наигранно весело, но голубые глаза переливались страдающим блеском, который вызывают только слезы. Когда уже нет сил плакать, но они все равно щиплют веки.

Кристина Валерьевна села рядом с внучкой, и некоторое время они молча смотрели телевизор.

— Две недели — не слишком ли долго для депрессии? — Она сложила руки на набалдашнике трости. — Надо было водить тебя в детстве на собачьи бои. Закалять характер!

— Горбатого могила исправит, — процитировала Руслана.

Кристина Валерьевна подцепила пальцами пшеничный локон девушки и потянула вниз:

— Когда ты появилась перед моей дверью с маленьким чемоданом, я даже не подозревала, что ты учудишь подобное. Ты же моя внучка, черт возьми! Хватит быть тряпкой. На мужчинах не сошелся клином белый свет!

— Нет, — Руслана поучительно подняла указательный палец вверх, — не сошелся. Мужики на фиг никому не нужны. Пора менять ориентацию...

— Лана, — Кристина Валерьевна смягчила тон, — тебе даже тридцати нет.

— О, это дело поправимое. Осталось чуть меньше года, и стукнет круглая дата. — Руслана покопалась в пустых контейнерах и разочарованно хмыкнула, когда ничего не нашла. В животе заурчало. — А я до сих пор одна, потому что мои отношения — сплошная неудача, — устало добавила она.

— Только в сказках любовь приносит счастье и беззаботность. В жизни все сложнее. Вместе с радостью она дарит боль, и наоборот, — Кристина Валерьевна погладила девушку по спине и уставилась на руку, — да ты покрыта грязью.

Руслана хмыкнула и нарочито прижалась к ней:

— Ба, мне не везет всю жизнь.

— Возможно, у Бога на тебя особенные планы, — фило-софски ответила Кристина Валерьевна.

— О да. Пропустить через меня неудачников и психопатов.

Они ненадолго замолчали.

— И все же тебе не стоит убиваться из-за женатика, — произнесла Кристина Валерьевна. — Что бы сказали твои родители, узнай, что их дочь спряталась от всего мира под пледом.

— Успокойся, они не узнают. Они — в Америке. Жарят индейцев. — Лана нахмурилась. — Кажется, в последний раз я их видела в феврале, на день рождения. И то по компьютеру.

— Ты злая девочка. Они же любят тебя.

— Мне и так плохо! — застонала Руслана. — Не приплетай сюда еще и родителей.

— Плохо — детям голодным, а ты ерундой страдаешь. Радовалась бы, что не забеременела от этого мерзавца, — резонно заметила Кристина Валерьевна.

Пальцы смяли синюю юбку.

— Я думала, что он тот самый.

— Ну, такие мысли бывают в жизни каждой женщины. — Она шлепнула внучку по коленке и встала. — А теперь живо в душ. Ты воняешь, как настоящий скунс. Еще удивляешься, почему не можешь найти нормального мужика.

— Бабушка, — Руслана устало улыбнулась, — я тебя люблю.

— И не подхалимничай, — проворчала Кристина Валерьевна. — Отмоешься, поешь и приберешь этот бардак. Превратила мою любимую комнату в лежбище бомжа. Дедушка в могиле раз десять перевернулся.

Опираясь на трость, она ушла на кухню. Схватила миску и с наслаждением разбила в нее яйца, вымещая на них обиду за внучку.

Почему Руслане не везет в любви? Двадцать девять лет — и уже столько неудачных отношений. Неужели она расплачивается за ее грехи? Кристина Валерьевна прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Господи, столько лет прошло, а она до сих пор помнит...

Руслана поморщилась. Мысли о еде вызывали тошноту, хотя живот предательски урчал. Ноги едва держали. Возникло чувство, что она передвигается на спичках и они вот-вот сломаются. Депрессия высосала все соки, и когда Лана добрела до ванной комнаты, то еле закрыла дверь. В зеркале увидела выпирающие ребра, впавший живот, бедра вообще растворились. Она задумчиво повернулась и уставилась на свою заднюю точку. Черт, кажется, она должна была аппетитно торчать.

Руслана скривилась и забралась в ванную. Опустилась на корточки, сжалась в маленький комочек омерзения и боли. Холодный душ ударил по спине, но постепенно потеплел. Он смывал напряжение и приносил облегчение. Руслана с наслаждением подставила под воду лицо. Приоткрыла пере-

сохшие губы. Как жаль, что так же легко нельзя вытеснить из памяти прошлое.

Каждую минуту, секунду, миллисекунду она вспоминала о том, что Эдуард женат. И полгода счастливых отношений — миф, сказка для наивных дурачков. А Индия... десять дней солнца и моря. Эдуард в буквальном смысле носил ее на руках, чтобы потом бросить на землю. И разбить сердце. Видимо, права была цыганка.

Руслана вздрогнула от яркого воспоминания. Стоило держаться в Индии дольше. Отыскать нишую цыганку и заставить объяснить странные слова, которые та произнесла на ломаном английском:

«Девушка с половиной души. И пока будет так, ты будешь несчастна».

Эта фраза глубоко запала в сердце Ланы. Тщетные попытки забыть случайную встречу каждый раз проваливались, и ощущения, цвета, запахи расцветали, словно всегда были с ней. Грязные шершавые руки, звенящие браслеты на запястьях, широкая затасканная юбка и темный пронзительный взгляд.

Лана встряхнула головой и выбралась из ванны. Протерла запотевшее зеркало. С мокрых волос вода капала на худые плечи. Щеки покраснелись, тело пахло чистотой. Головная боль отступила, словно и не было депрессии. Все-таки душ — лучше всех лекарств.

По пути на кухню она взяла мобильный из гостиной и присоединилась к бабушке. Аромат оладий разбудил аппетит, и Лана подумала, что даже съест парочку. К тому же дождь закончился, и настроение медленно возвращалось.

Кристина Валерьевна порхала по кухне, одинокая трость стояла в углу. Женщина ловко переворачивала блинчики, не забывая жестикулировать вилкой в такт музыке.

Руслана улыбнулась. Бабушка сочетала в себе несочетаемое. Тонкие черты лица, прямой взгляд. И ехидный нрав.